

Цзи Жань быстро подбежал, не обращая внимания на праздных зевак, расталкивая мешавших селян, пробился вперёд. Едва он успел разглядеть, что происходит, как на него набросилась Старуха Лу, пытаясь вlepить пощёчину. К счастью, он среагировал мгновенно и перехватил её руку.

— Опять за своё? — ледяным тоном спросил Цзи Жань, глядя на почерневшее от злости лицо старухи. — Не наелись ещё тюремной баланды да бамбуковых палок, захотелось добавки?

— Не пугай меня своими указами! — Старуха Лу вырвала руку и, перекосившись, ткнула пальцем за спину. — Что ты сделал с моими вторым и третьим? За что ты их так извёл?!

Цзи Жань проследил за её жестом — и чуть не вернул обратно только что съеденный обед.

Тошнотворное зрелище!

Никак он не ожидал, что эти два воришки, поблуждав вокруг да около, всё же добрались до курятника. Но кур они не крали — вместо этого, рыдая и хлюпая, они жадно уплетали куриный корм. Жёны тащили их за рукава, пытаясь оторвать, но те будно приросли к земле, словно голодные духи, вселившиеся в них. Лу Чжэня рядом не было. Значит, это не его проделки. Может, они и впрямь от желания украсть тронулись умом?

Он на миг остолбенел, но тут же опомнился и взглянул на Старуху Лу. Та смотрела на него горящими от ярости глазами, лицо искажено злобой.

— Ваша семья Лу просто не перестаёт меня удивлять, — процедил Цзи Жань. — Не довольствуясь тем, что отнимаете чужое, вы ещё и скотский корм прикарманиваете! Теперь-то я понимаю, почему мои цыплята за несколько месяцев ни капли не подросли — вы их объедали!

Эти слова вызвали дружный хохот собравшихся.

Старуха Лу побелела от бешенства, но, видя, что сыновья не в себе, бросилась к ним на помощь. Тянула одного, тащила другого — ни с места. В суматохе её и саму отшвырнуло, и она растянулась на земле.

Терпение её лопнуло. Она села, принялась бить себя по бёдрам и завывала. На сей раз слёзы были искренними — она даже не пыталась никого костить.

Со стороны, однако, выглядело так, будто Цзи Жань их и довёл до такого состояния. Зрители принялись перешёптываться и показывать пальцами. Цзи Жань же, не обращая на них внимания, лишь хмуро наблюдал, как братья Лу почти дочиста выели весь куриный корм.

— Ой-ой, с чего это здоровые мужики вдруг корм птичий жрут? Не иначе порчу навели!

— Да зачем им сюда-то приходиться? Может, дом этот с ихним не ладит, ауру портит?

— Гляньте-ка, ворота-то как раз на ихний дом смотрят!

Цзи Жань поймал на себе эти взгляды и едва не фыркнул. Люди готовы на что угодно, лишь бы посплетничать да поскандалить.

Холодно окинув болтунов взглядом, он подошёл к крыльцу, поднял стоявший там коромысел и, вернувшись, ударил им по очереди Лу Чангэна и Лу Чанцина. Те вздрогнули и рухнули без

чувств.

— Ты что делаешь?! — завизжали женщины Лу, опомнившись от шока. Гао Хуэй вскочила на ноги. — Ты их и так изувечил, теперь ещё и жизни хочешь лишить?!

— Я их изувечил? — Цзи Жань уже привык к этой семейной манере винить всех вокруг. — А вы, собственно, видели, как я это сделал? Нет? Тогда не мелите ерунды! А вот они... Вчера ночью шныряли вдоль моего забора, на стену лезли, дорогу высматривали. То ли корм приметили, то ли кур задумали украсть. Забор у меня высокий, я думал, они отступились, — вот и не стал мешать. А зря, оказывается. С ворами расслабляться нельзя. Вор в дом заберётся — не только курицу унесёт, но и корм всюду подчистит. На то они и воры.

— Клевещешь! — Гао Хуэй тряслась от гнева, лицо её было не менее бледным, чем у свекрови. — Цзи Жань, ты моего мужа покалечил! Я с тобой не покончу! Это ещё не конец!

В отличие от неё, Лэн Сянлянь вела себя странно. Она бросала взгляды то на братьев, то на Цзи Жаня, затем достала жёлтый талисман и, крадучись, подобралась к нему сзади, намереваясь шлёпнуть им по спине.

Цзи Жань, занятый перепалкой с Гао Хуэй, не ожидал подвоха. Удар пришёлся неожиданно, он пошатнулся и едва не рухнул вперёд, успев ухватиться за кого-то из толпы.

Талисман плавно опустился к его ногам. Воцарилась тишина — такая, что слышно было, как муха пролетит. Все взоры устремились на жёлтый клочок бумаги.

— Ты... — первой нарушила молчание Лэн Сянлянь. Она, как и все, смотрела на талисман, но через мгновение её глаза широко раскрылись, уставившись на Цзи Жаня. — Почему с тобой ничего не случилось?!

— Клочком бумаги меня пришибить решила? — Цзи Жань быстро оправился от изумления и насмешливо поднял бровь. — Лэн Сянлянь, ты тоже рассудок потеряла?

— Не может быть! Ты же нечисть! Почему ничего? Не может быть! Даос Цин клятвенно уверял, что на сей раз он тебя точно изгонит! Опять этот проклятый монах меня обманул! — Лэн Сянлянь выкрикнула это срывающимся голосом, окончательно теряя самообладание. — Ты — чудовище! Нечистая сила, злой дух! Это ты! С тех пор как ты появился в доме Лу, у нас одни несчастья! Кто же ещё? В день поминок по Лу Чжэню ты же от талисмана упал, но смог сбежать невредимым! А сегодня и вовсе — ни царапины! Что ты такое? Дух? Призрак?!

Цзи Жань прищурился и медленно, шаг за шагом, двинулся к Лэн Сянлянь.

— Так это ты устроила тот фарс во время поминального обряда по Лу Чжэню? А даос Цин — это кто?

— Не подходи! — Лэн Сянлянь, с огромным животом, отступила, побледнев. — Я... я тебя не боюсь!

Цзи Жань остановился в трёх шагах от неё — с беременной связываться не хотелось, — но взгляд его был твёрд и холоден, уставлен в искажённое лицо женщины.

— Поминальный обряд по усопшему родственнику посмела осквернить. Лэн Сянлянь, не страшишься возмездия? — Его взгляд скользнул по её животу. — Ваша семья Лу раз за разом меня оскорбляет, думая, что я беззащитен. Уверены, что Лу Чаньюань вас прикроет? Но не

забывайте: над уездным начальником стоит губернатор, а над губернатором — сам Сын Неба! Лу Чжэнь был посмертно пожалован императорским указом в генералы стремительной кавалерии. Оскорбляя его семью, вы не боитесь императорского гнева? Головы с плеч полетят!

— Пустой посмертный титул! — раздался голос из толпы. — Император, поди, уже и забыл о нём, не то что о каком-то деревенском мужике-муже! Разве может такой, как ты, простолюдин, грозить нам именем Сына Неба? Слишком много о себе возомнил, господин Цзи!

Вперёд выступил Тао Юань. Рядом с ним стоял Лу Чаньюань, на сей раз не скрывавший своей озабоченности и хмуро смотревший на лежащих без сознания братьев.

— Господин Тао полагает, — прищурился Цзи Жань, — что положение зятя уездного начальника делает его неуязвимым? А если... это положение пошатнётся?

Эти слова он не произнёс вслух, но во взгляде его мелькнула острая, расчётливая искра. Увы, Тао Юань, избалованный и высокомерный, привыкший в уезде Гаоян быть первым, не обратил на это никакого внимания. Да если бы и заметил — всё равно не придавал бы значения.

<http://bllate.org/book/16271/1464453>